

Издатель
ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Студенческий научный электронный журнал

StudArctic Forum

<http://saf.petrstu.ru>

№1(21) / 2021

Главный редактор
И. М. Суворова

Заместитель главного редактора
М.И. Зайцева

Редакционный совет

В.А. Шлямин
В.С. Сүнёв
Г.Н. Колесников
С.В. Волкова

Редакционная коллегия

А.Ю. Борисов
П.С. Воронина (ответственный
секретарь)
Р.В. Воронов
Т.А. Гаврилов
Е.О. Графова
Л.А. Девятникова
М.И. Зайцева
А.А. Ившин
А.Ф. Кривоноженко
А.А. Кузьменков
Е.Н. Лузгина
Ю.В. Никонова
М.И. Раковская
А.А. Скоропадская
Е.И. Соколова
И.М. Соломещ
А.А. Шлямина

Редакция

А. Г. Марахтанов
А. А. Малышев
Р. А. Мацуев

ISSN 2500-140X

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail:saf@petsu.ru

<http://saf.petsu.ru>

История и археология

Система застав и крепостей в российско-шведском приграничье в XVII веке

**ГОЛЯЕВ Даниил
Дмитриевич**

Петрозаводский Государственный Университет
(проспект Ленина, 33, Петрозаводск),
ddgola@mail.ru

Ключевые слова:

Россия
Швеция
российско-шведское
приграничье
Олонецкий уезд
застава
крепость XVII
столетие

Аннотация: Статья посвящена реконструкции системы пограничных укреплений в русско-шведском приграничье после 1617 г. На данном этапе исследования выявили: введённый в научный оборот пласт сведений о количестве и местонахождении застав и крепостей, их внешний облик и состояние. Это было сделано для определения накопленного историографией опыта осмысления проблемы и выявления дальнейших перспектив её изучения. Собранные в литературе по крупицам сведения о заставах, острожках и крепостях сведены в специально разработанную электронную базу данных. Все обнаруженные укрепления с той или иной степенью точности идентифицированы на карте. Как удалось установить, в отечественной историографии внимание сосредоточено на истории приграничья, которая рассматривается как процесс выстраивания по обе стороны границы структур власти, особенность взаимоотношений местной администрации с населением. Поднимая вопрос о заставах и крепостях, учёные восстановили их «цепь» на всем протяжении границы, однако наиболее детально изучена её южная часть, тянувшаяся вдоль новгородских уездов — в Ингерманландии и Приладожье. До сих пор мало что известно об укреплениях, располагавшихся далее на север — в Карелии.

Рецензент: И. М. Суворова

История русско-шведского пограничья в XVII столетии привлекает пристальное внимание исследователей. В новейшей историографии современниками первостепенное внимание уделяется: осмыслению значения термина «граница» и процессу изменения смысла его содержания, особенностям функций границы, формированию в пограничье властных структур и особых отношений между властью и локальным сообществом, устойчивость которого была predeterminedена неразвитостью бюрократического аппарата.

Учёные сходятся во мнении, что для создания полного взгляда на русско-шведское пограничье необходимо рассматривать его целостно, то есть с обеих сторон. При этом прежде всего нужно оценивать роль населения в обеспечении охраны границы: несмотря на разделенность народа из-за исторических сложившихся обстоятельств его культура оставалась целостной.

Одним из первых о приграничных заставах и крепостях упомянул С. С. Гадзяцкий. В исследовании, посвящённом изучению военных действий в Ингрии во время Русско-шведской войны 1656—1658 гг., историк отметил несколько приграничных застав в Ижорской земле: две заставы со шведской стороны (заставы в деревнях Онстополи и Пустомержи) и четыре — с русской (Зверинская, Коринская заставы, застава в Костые и застава на Пелецком броде) [Гадзяцкий].

А. С. Жербин, детально изучая проблему переселения карел в Россию в XVII в., опираясь на опыт своих предшественников (в первую очередь С. Гадзяцкого) и привлекая акты приказного делопроизводства, опубликованные в изданиях, одно из которых было подготовлено Р. Б. Мюллер («Карелия в XVII веке», 1947 г.), привёл сведения о нескольких заставах, никому ранее не известных [Жербин].

Признанный специалист по средневековым укреплениям Таллина и Нарвы Е. А. Кальюнди совместно с советским и российским археологом А. Н. Кирпичниковым в работе, основанной на донесениях шведского фортификатора Эрика Дальберга, осветили состояние шведских крепостей, находившихся в приграничье с Россией в 1681 г. [Кальюнди].

М. И. Мильчик представил обзор крепостей, основанных как шведами, так и русскими. Исследователь дал оценку состоянию фортификационных укреплений крепости Корела (Кексгольм) [Мильчик].

И. А. Чернякова, О. В. Черняков и Е. В. Лялля в работе, посвященной созданию электронной тематической карты «Северо-Западное Российское приграничье в XVIII веке», используя сведения карты второй половины XVIII столетия, выявили и локализовали ряд старинных застав, находившихся в Кольском, Кемском и Повенецком уездах. В исследовании упомянуто о десяти небольших постоянных заставах — «стражах» — с небольшим гарнизоном, имевших лошадей для быстрого перемещения и патрулирования [Чернякова].

А. И. Чепель уделил пристальное внимание выявлению особенностей властных структур в карельском пограничье после заключения мира в Столбово в 1617 г. Автор установил, что оперативное управление и налаживание жизни в приграничье в России было возложено на воевод, а в Швеции — на комендантов шведских крепостей («державцев»), которые, решая все возникавшие в приграничье коллизии, вели активную переписку между собой. Организацию первых застав в пограничье автор связал с

эпидемией моровой язвы, бушевавшей на территории Ингерманландии с 1629—1631 гг. [Чепель].

Изучение проблем русско-шведского приграничья находится в фокусе внимания А. А. Селина, который в одной из своих фундаментальных работ рассмотрел создание и функционирование русско-шведской границы в XVII веке на одном из её отрезков (новгородские и псковские земли), оценил роль границы в формировании культуры двух стран и её восприятие разными социальными группами. Более подробно исследованы памятники 1620—1630-х гг., когда, по мнению автора, активно складывалась русско-шведская граница [Селин].

Проблему обеспечения безопасности границы в карельском приграничье в 1620-е гг. тщательно изучил А. Ю. Жуков. Исследователь считает, что судьбоносный момент в истории русско-шведского приграничья произошёл после подписания Столбовского мирного договора в 1617 г.: «когда одна часть православного населения была отделена от другой границей» [Жуков].

Таким образом, исследователи внесли значимый вклад в изучение русско-шведского приграничья в XVII столетии. Однако какой-либо обобщающей работы, в которой была бы представлена сеть застав и рубежей по обе стороны границы, не предпринималось. До сих пор отсутствует карта-схема с идентификацией всех крепостей, острожков и застав, существовавших в России и в Швеции.

Статья посвящена установлению цепи пограничных объектов, которые стояли или вновь были созданы вдоль русско-шведской границы после подписания Столбовского мирного договора 1617 г. и до 1690-х гг. включительно (с опорой на данные, уже известные в литературе). Решение подобной задачи позволяет максимально полно оценить, насколько хорошо и детально в историографии реконструирована система пограничных объектов, наметить пути дальнейшего её исследования и определить, насколько выдвигаемые Россией и Швецией политические установки соответствовали реальному положению дел.

Для учёта всех сведений и упоминаний, приводимых историками о крепостях, заставах и острожках в русско-шведском приграничье, была разработана карточка электронной базы данных. На данном этапе исследования электронная база данных создаётся в программе Microsoft Excel. Карточка состоит из девяти полей. Первое поле

«Название крепости/заставы» предназначено для фиксации названия объекта. Второе поле «Местоположение» создано для внесения сведений о нахождении объекта. Названия застав имеют географическую или административно-территориальную привязку, например: застава «в Волховском устье», «Костовская» застава (по близлежащей деревне). Подобная информация позволяет с большей или меньшей степенью точности судить о местоположении объекта.

Третье поле «Состояние крепости/заставы» предназначено для записи сведений о состоянии объекта и тех функциях, которые на неё возлагались в тот или иной период времени. Четвёртое поле «Гарнизон» создано для фиксации данных о численности и составе гарнизона крепости или заставы. В пятое поле «Фортификация» вносятся сведения о фортификационных укреплениях крепости или заставы. Шестое поле «Возникновение» предназначено для записи сведений, когда и при каких обстоятельствах была создана крепость или застава. Седьмое поле «Заставной голова» создано для

записи информации о руководстве крепости или заставы в лице воеводы, коменданта или заставного головы. Восьмое поле «Функциональность» предназначено для фиксации данных о функциональности крепостей или застав, а также происшествий, имевших место на заставе. Девятое поле «Кто из авторов приводит сведения» предусмотрено для фиксации точного библиографического описания литературы с указанием на страницу, откуда заимствована та или иная информация.

Сведения о каждом объекте содержат информацию, относящуюся к разным периодам. С целью её компактной группировки в мини-блоки по нескольким хронологическим срезам предусмотрены дополнительные к основным полям (к третьему, четвертому, пятому, седьмому и восьмому) слои. Послойная фиксация сведений позволяет проследить историю отдельных застав и острожков на протяжении столетия.

Электронная база данных, в которой содержатся сведения, заимствованные из работ исследователей, является своего рода вторичным источником информации для начальной реконструкции системы пограничных объектов Швеции и России. Сведённые сведения, в буквальном смысле по крупицам выявленные в литературе, позволяют решить поставленную задачу — дать оценку информативной ёмкости тех данных, которые к настоящему времени установлены в историографии и введены в научный оборот.

Совершенно очевидна недостаточность информации о некоторых заставах, вследствие чего не представляется возможной их локализация. Так, упомянутые С. С. Гадзяцким заставы — Коринская и Зверинская — невозможно локализовать [Гадзяцкий, 14-57]. Скучные данные о Кангасозерской заставе, приводимые А. Ю. Жуковым, не позволяют в полной мере охарактеризовать эту заставу. В частности остаётся неясным, где точно располагалась заставка, какова была численность её гарнизона, кто занимал должность заставного головы [Жуков, 125- 130].

Больше всего собрано сведений о крепостях и заставах, располагавшихся в Ингерманландии и пограничных с ней землях. Наиболее часто исследователи упоминают и приводят сведения о следующих пограничных объектах: Тесовская заставка/острог (находился на месте Успенского монастыря); Сомерская заставка/острог (район южнее р. Луги между Ямом и Гдовом); Лавуйская заставка (на реке Лавуя) и заставка в Кондушях (современная деревня Погранкондуши).

На данном этапе исследования все выявленные объекты для удобства их локализации представлены на исторической карте, созданной К. А. Неволиным в 1853 г. качестве приложения к фундаментальной работе — «О пятинах и погостах новгородских в XVI веке» [Неволин, 414].

Условные обозначения застав и крепостей представлены на карте в виде геометрических фигур разной формы: шестиугольником обозначены крепости; кругом обозначены заставы, остроги и острожки; красным обозначаются русские крепости и заставы, а синим — шведские.

В опубликованной литературе выявлены сведения о 30 заставах с российской стороны, расположенных в Копорском, Ямском, Псковском и Олонецком уездах Российского государства. Выявлены сведения о 7 крепостях, 2 острожках и 4 заставах со шведской стороны, располагавшихся на территории двух обширных областей Ингерманландии и графства Кексгольм, а также на территории бывших новгородских земель (Копорский и Ямской уезды).

Исследователи используют различные термины для обозначения пограничных объектов, тем самым предлагая их некую градацию. Так, под «острогом» понимается «приграничное, постоянное или временное, деревянное фортификационное укрепление, обнесённое частоколом из заострённых сверху брёвен» [Рудаков, 362]. В «Словаре русского языка XI—XVII веков» отмечено два близких к указанному толкования этого термина: во-первых, «частокол, палисад из заострённых сверху бревен, плотно пригнанных друг к другу и вбитых в землю»; во-вторых, «укрепление, крепость» [Шмелев, 159-160].

Крепость Олонец, построенная в 1649 г. по указу царя Алексея Михайловича Романова под руководством князя Фёдора Волконского и дьяка Степана Елагина, имела деревянные фортификационные сооружения, но большой размер и высокая степень обороноспособности Олонца не позволяли причислить его к острогу [Жербин]. В числе указанных 30 российских укрепленных пунктов большинство идентифицируется историками по источникам как «остроги». Из этого можно сделать вывод, что большая часть укреплений в российской части пограничья были преимущественно деревянными.

Под термином «застава», нередко используемом исследователями в качестве синонима термина «острог», «Словарь русского языка XI—XVII веков» имеет в виду приграничный форт, пункт или крепость с постоянными или временными укреплениями [Шмелев, 300].

В XVII веке заставы, как следует из приводимых историками сведений, выполняли целый ряд функций. Основной функцией застав была охрана рубежей и пропуск через границу купцов, гонцов и дипломатов, а также предотвращение нелегальных переходов через неё. Однако, некоторые из функций в определенные периоды времени превалировали. Так А. А. Селин установил интересные факты о Сомерской заставе: 3 октября 1629 г. в связи с эпидемией моровой язвы в Ингерманландии на заставу был назначен новый заставной голова И. З. Баранов, который имел специальные указания из Новгорода. Заставной голова был обязан: никого не впускать, без исключений (даже если человек ехал через незаражённые земли и имел проезжую грамоту); расспрашивать об эпидемии на территории Ингерманландии; посылать за границу крестьян-лазутчиков для разведки необходимых сведений (только в те деревни, где по слухам не было эпидемии); на маленьких реках, дорожках и перевозах выставлять заставы и самолично их проверять. Также заставной голова был обязан вести интенсивную переписку с новгородскими властями (примерно раз в неделю отсылать отписку воеводе в Новгород). На момент 1629 г. доставка отписки составляла 5—6 дней [Селин, 88-95].

Гарнизон Тесовской заставы, до того как попал во владение к русским, обеспечивал в конце XVI века хлебным кормом как шведский гарнизон-острожек, так и проходивших по Ивангородской дороге военных, гонцов и дипломатов. А. А. Селин установил, что с осени 1629 г. после назначения нового головы П. С. Обольянинова, Тесовский острог стал важнейшим центром по организации контроля над несколькими десятками вёрст границы [Селин, 96-112].

В наказной памяти 1629 г. были даны инструкции, которые следовало выполнять заставному голове для предотвращения распространения морового поветрия: во всех возможных местах перехода границы повелевалось устанавливать заставы; на каждой заставе следовало поставить по два крестьянина и по одному стрельцу, отправлять за

границу лазутчиков для получения новостей о моровой язве. Заставной голова получил право использовать подводы крестьян для отправки гонцов с донесениями [Селин, 96-112]. Заставной голова был обязан решать проблемы, связанные с контролем за крестьянами, которым вменялось в обязанность выполнять любые его поручения [Селин, 96-112].

В 1633 г. Тесовский острог стал пунктом приёма больших партий оружия и амуниции из Голштинии. В Тесове эту амуницию проверяли на прочность. В мирное время, как подчеркнул А. А. Селин, Тесовская застава служила преимущественно как таможенный пункт [Селин, 96-112].

Костовская или Тигодская застава в 1630 г. охраняла Ореховскую дорогу у самой границы в целях предотвращения проникновения эпидемии моровой язвы из Швеции. Донесения из Тигодской заставы шли в Новгород каждые две недели [Селин, 112-124].

31 мая 1630 г. на заставу был назначен головой Н. И. Качалов. Ему было наказано не пропускать и не брать бумаг от гонцов со шведской стороны, а отсылать их назад; местных жителей за «потакание» нелегальным перебежчикам казнить; вводилось наказание для служащих на заставе стрельцов и казаков, если они творили насилие над населением. Нарушителей следовало бить батогами [Селин, 112-124].

Особые функции выполняла застава на Волховском устье. До 1630 г. заставным головой, как отметил А. А. Селин, служил Д. С. Пуцин. Задачи, поставленные перед Пуциным, отличались от задач других заставных голов. Первостепенной задачей являлось препятствие несанкционированному движению в московское государство по Ладожскому озеру. Купцов, проезжавших через заставу, допрашивали про эпидемию и результаты допросов отправляли в Новгород. Допрошенных было приказано оставлять за заставами до дальнейших распоряжений [Селин, 124-130].

После Русско-Шведской войны 1656—1658 гг. работа заставы была возобновлена и новым головой назначен Федор Обернибесов. Он получил указания, согласно которым приоритет отдавался контролю над торговлей, а также усиливался контроль над ввозом «заповедных товаров» и легальным переходом границы [Селин, 124-130].

Приведенные А. А. Селиным данные позволяют сделать вывод, что один из основных путей незаконного пресечения границы и провоза контрабандных товаров проходил по Ладожскому озеру.

7 октября 1629 г. на Лавуйскую заставу был назначен новый голова В. А. Неёлов. Указания для Неёлова предписывали с Ладожским воеводой В. Ф. Неплюевым контролировать дороги, разведывать информацию об эпидемии в Ингерманландии, отправлять регулярные отчеты в Новгород [Селин, 130-139].

Оценивая эффективность контроля властей за деятельностью застав, можно сделать вывод, что система обеспечения безопасности границы, особенно в период эпидемии моровой язвы, была действенна. Применялись такие меры, как смена руководства застав, контроль за их деятельностью посредством высылки особых предписаний, суровые наказания для перебежчиков и нарушителей порядка, отправка за границу лазутчиков для получения информации о зарубежье, допрос иностранных гонцов и многие другие. Эти меры позволяли русским властям осуществлять строгий контроль за границей.

О наличии застав в Олонецком погосте позволяют судить выявленные

А. С. Жербиным данные. Так исследователь пишет: «В 1630 году Петр Обольянов с заставы Волховского устья сообщал, что ему стало известно о приходе на Русь трех семей перебежчиков с женами и детьми, которые проехали мимо заставы к Тихвину, и что многие перебежчики, главным образом из Корельского уезда, приходят на Белоозеро и в Тихвин через Олонецкий погост, так как на Олонце нет застав» [Жербин]. Из данного отрывка, приведенного Жербиным, видно, что близ Олонецкого погоста заставы в 1630 г. отсутствовали.

Упоминая и описывая пограничные объекты со стороны Швеции, исследователи также оперируют разными понятиями по отношению к этим объектам. Наиболее часто историки используют понятие «крепость», которое предполагает наличие каменных фортификационных сооружений [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона].

Все выявленные шведские крепости, расположенные вдоль границ с Россией, являлись каменными. Однако их состояние к середине XVII столетия оставляло желать лучшего. Так, например, С. С. Гадзяцкий приводит письмо генерал-губернатора Ингерманландии Густава Горна, который писал королю в 1655 г.:

«Крепости Нотеборг, Кексгольм, Ивангород, Нарва обветшали. Многие люди, живущие в деревне, имеют лучшие ворота у своих дворов, чем те, которые я нашел здесь в королевских крепостях. Солдаты ходят босиком и голые. Из девяти месяцев они получили деньги лишь за один» [Гадзяцкий, 14-57].

Из отрывка письма следует, что указанные четыре шведские крепости — Нотеборг (на Ореховом острове в истоке реки Невы), Кексгольм (на острове реки Вуоксы), Ивангород (на правом берегу реки Нарвы), Нарва (в эстонском городе Нарва на берегу реки Нарва (Нарова)) — нуждались в ремонте и поставках различных материалов и средств. По мнению С. С. Гадзяцкого, плачевное состояние, в котором оказались крепости, было обусловлено поведением чиновников, которые заботились лишь о своём благосостоянии, а не об интересах короны [Гадзяцкий, 14-57].

Проанализировав донесение шведского фортификатора и градостроителя Э. Дальберга о состоянии крепостей в шведско-русском приграничье, Е. А. Кальюнди и А. Н. Кирпичников пришли к выводу, что этот источник богат по содержанию [Кальюнди, Кирпичников, 68]. Исследователи упоминают, что, к сожалению, данное донесение никогда полностью не публиковалось и известно лишь по отдельным выдержкам, опубликованным в трудах шведских, финских и эстонских авторов, — в работах, посвящённых истории прибалтийских городов-крепостей [Кальюнди, Кирпичников, 69].

Учёные допускают, что Э. Дальберг мог преувеличить небоеспособность крепостей для достижения своей цели — выделения шведской короной средств на ремонт и реконструкцию крепостей. При этом они делают вывод, что крепости с начала XVII века до 1681 г. почти не претерпели практически никаких крупных изменений [Кальюнди, Кирпичников, 70].

Описывая крепости на границе с Россией, Э. Дальберг оценивал их взглядом военного инженера. Э. Дальберг пренебрежительно отзывался о таких крепостях, как Кексгольм (Корела) и Выборг. Считал, что фортификационные укрепления этих крепостей недостаточно обороноспособными из-за ветхости. Из всех крепостей наиболее высокой оценки фортификатора удостоились Ивангород и Нотебург (Орешек) [Кальюнди, Кирпичников, 70]. Упоминая характеристику Ивангорода, Э. Дальберг отметил, что

крепость оснащена хорошими укреплениями, которые при должном ремонте сделают крепость одной из лучших в Швеции. Но советы, которые Дальберг счёл необходимым включить в своё донесение относительно этой крепости, в малой степени были учтены. Так, в 1680—1690 гг. была укреплена только часть стен крепости и построен «пороховой амбар»; бастионы воздвигнуты не были [Кальюнди, Кирпичников, 73].

Обращаясь к Ниеншанцу (Канцы), Э. Дальберг критиковал заново отстроенную в 1650-х гг. архитектором Г. Зойленбургом крепость и укрепления, воздвигнутые в 1661

—1666 гг. Фортификатор полагал, что оборонительные сооружения города полностью непригодны: бастионы замка были малы, имели короткие оборонительные укрепления и тонкий оборонительный бруствер; два бастиона по берегам реки постоянно подмывало водой. Несмотря на критику фортификаций, Э. Дальберг отмечал стратегическую важность этой крепости и предлагал свой план переоборудования укреплений замка и переноса города на мыс. Эти планы остались не реализованы [Кальюнди, Кирпичников, 73-74].

Обозревая Нотебург (Орешек), Э. Дальберг назвал эту крепость «Ключом к Ладожскому озеру». Несмотря на выгодное положение и существование внутри крепости гавани для судов с выходом в Ладогу, укрепления её, по мнению фортификатора, обветшали и нуждались в ремонте [Кальюнди, Кирпичников, 75].

Оценивая Кексгольм, Э. Дальберг отмечает её хорошее местоположение. Однако перестроенные шведами укрепления замка и города не устраивали фортификатора. Сам замок Э. Дальберг считал очень тесным, а его вал — небоеспособным. Городские укрепления показались фортификатору слабыми и тонкими. Опасность для Кексгольма представляли высоты на Скалистом острове, которые он предлагал взорвать. Работы не продвинулись далее отдельных починок стен, укреплений бруствера и фундаментов [Кальюнди, Кирпичников, 76-77].

Как отмечают исследователи, в своём отчете Э. Дальберг лишь бегло обозревает крепости Ям и Копорье. Фортификатор отметил, что отдельные элементы этих крепостей находились в хорошем состоянии, большая же часть их разваливалась. Дальберг заключил, что эти крепости бесполезны и их необходимо взорвать. Однако Копорье избежало разрушения благодаря тому, что крепость стала убежищем для местных жителей, хотя внешний город с пятью башнями крепости Ямы были взорваны шведами в 1682 г. [Кальюнди, Кирпичников, 77].

Выборг, описываемый Э. Дальбергом, был некогда хорошо укреплённым пограничным пунктом, однако показался ему слишком маленьким и тесным. Из-за глубины вод, по мнению знатока фортификационных сооружений, замок вряд ли мог быть дополнительно укреплён. Городские укрепления оценивались как небоеспособные. Ссылаясь на то, что Выборг по сравнению с другими крепостями находился дальше от границы, фортификатор не предлагал никаких планов по серьёзной реконструкции замка [Кальюнди, Кирпичников, 77-78].

Шведские заставы, расположенные вблизи самой границы, в работах исследователей упоминаются крайне редко, поэтому небольшое количество информации не позволяет в полной мере на данном этапе исследования охарактеризовать их состояние и функции. Так, встречаются упоминания всего о четырёх шведских заставах/острожках. Две заставы находились на северо-восточном побережье Ладожского

озера. Это пограничные острожки: Соломенский острог (современный поселок Салми) и «острожок» Имбалакша (современный поселок Импилахти) [Жербин]. Термин «острожок», используемый в отношении шведского укрепленного пункта в Импилахти, несколько отличен от термина «острог». Отличие в том, что «острожок» был меньше по размеру и численности гарнизона [Шмелев, 657].

Ещё две заставы были расположены в районе пограничном с Копорским и Ямским уездами. Это заставы в деревнях Онстополи и Пустомержи. Об этих заставах известно только то, что они были сожжены в результате нападения русского войска во главе с Данилой Неплюевым в ходе Русско-Шведской войны 1656—1658 гг. — в 1657 г. Как отметил С. С. Гадзяцкий, много «финских немцев» было перебито, 19 человек взято в плен в качестве языков, остальные сгорели [Гадзяцкий, 14-57].

Таким образом, отечественные исследователи внесли значимый вклад в реконструкцию системы застав и крепостей на русско-шведском приграничье. Детальный анализ историографии позволяет уже сейчас уверенно заключить, что в русской части приграничья на протяжении всего XVII столетия преобладали деревянные заставы-острожки, которые хоть и носили порой «временный» характер, выполняя те или иные функции и равномерно располагались на протяжении всей границы. Из составленной нами карты явствует, что все крепости и заставы-острожки с русской стороны располагались близ стратегически значимых географических объектов (рек, озёр) и элементов инфраструктуры (дорог); протянулись вдоль всей границы, охватив псковские, новгородские и карельские земли.

В Швеции, в пограничных с Россией землях, продолжали функционировать старинные каменные крепости, некоторые из которых к середине XVII столетия находились в ветхом состоянии. Все крепости, которые удалось идентифицировать, располагались в Кексгольмском лене и Ингерманландии. Практически ничего не известно о том, как осуществлялся контроль за границей далее на север — в Карелии.

Список литературы

1. Гадзяцкий, С. С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества / С. С. Гадзяцкий. – Электрон. ст. – [Россия], 2013. – URL: <http://rusmilhist.blogspot.com/2013/09/xvii.html>, свободный. – Аналог печ. Изд. (Исторические записки. М., 1945. Т. 16. С. 14 – 57.). – (14.03.2020)
2. Жербин, А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке [Электронный ресурс] / А. С. Жербин. – Электрон. ст. – [Россия], 2016. – URL: <http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/perkar/perkar0.htm>, свободный. – аналог печ. изд. (Петрозаводск : Госиздат, К-Ф ССР, 1956.). – (26.03.2020)
3. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. : [Монография] / А. Ю. Жуков; Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, Новгор. межрегионал. ин-т обществ. наук. - Великий Новгород : Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2003. – 255 с.
4. Жуков, А. Ю. Русско-шведская граница 1621 г. в Карелии и её значение в жизни карельского народа // Альманах Североевропейских и Балтийских исследований. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2017. Вып. 2. С. 207–227.

5. Ингерманландия / Суни Л. В. // Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] /гл. ред. Ю. С. Осипов. – Москва : Большая российская энциклопедия, 2004. –2017.

6. Кальюнди, Е.А., Кирпичников, А.Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 г. / Е. А. Кальюнди // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. – т. XX. – С. 68–79.

7. Крепость // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – Санкт-Петербург., 1890–1907. – С. 895-899.

8. Мильчик, М. И. Шведские крепости вокруг Петербурга. / М. И. Мильчик. Электрон. ст. [Россия], 2010.– URL: https://terijoki.spb.ru/vyborg-fortress/vf_milchik_sved.php, свободный. Аналог печ. изд. (Шведы на берегах Невы: Сборник статей. Стокгольм, 1998. С. 26-33.). –(14.03.2020).

9. Неволин, К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке (с приложением карты) // Записки Императорского русского географического общества. Кн. 8. Санкт-Петербург: Типография Императорской АН, 1853. 414 с.

10. Шмелев, Д. Н. Словарь русского языка: В 4-х т. Москва, Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К–О. С. 657.

11. Рудаков В. Е. Острог, в древней Руси // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). Санкт-Петербург., 1890–1907. – С. 362.

12. Селин, А. А. Русско-шведская граница (1617-1700 гг.): формирование, функционирование, наследие : исторические очерки // Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", Центр исторических исследований. изд. испр. и доп. Санкт-Петербург: Блиц, 2016. 859 с.

13. Чепель, А. И. «Твёрдые крепости отделяют нас от них...»: проблема безопасности шведско-русской границы в первые десятилетия после Столбовского мира // Псковский военно-исторический вестник. – Псков: Региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно- историческое общество» в Псковской области, 2015. Вып. 1. С. 71–77.

14. Чепель, А. И. Шведские «державцы» и русские воеводы на страже рубежей: от Столбовского до Кардисского мира. (По документам российских архивов) // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Псков: Псковский государственный университет, 2010. Вып. 11. С. 108–113.

15. Чернякова И. А., Ляля Е. В., Черняков О. В., Шредерс А. М. Опыт использования технологий ГИС для создания электронной тематической карты «Северо–Западное Российскоеприграничье в XVIII веке» на базе старых картографических произведений // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. 2006. № 1–2. [Электронный ресурс] http://illmik.petsu.ru/news/New_Results/D43E4DC5–894E-402D-85AC-8D782656E280.html (29.02.20220)

The system of outposts and fortresses in the Russian-Swedish border area in the 17th century

**GOLYAEV Daniil
Dmitrievich**

**Petrozavodsk State University (Ave. Lenin, 33,
Petrozavodsk),
ddgola@mail.ru**

Ключевые слова:

Russia
Sweden
Russian-Swedish borderland
Olonets uezd
Outpost
Fortress
17th century

Аннотация: The article is devoted to the reconstruction of the system of border fortifications in the Russian-Swedish borderland after 1617. At this stage of the study, a layer of information already introduced into the scientific circulation about the number and location of outposts and fortresses, about their appearance and condition in order to determine the experience accumulated by historiography in understanding the problem and identifying further prospects for its study. Collected in the literature, bit by bit, information about outposts, fortresses and fortresses is brought together in a specially developed electronic database. All discovered fortifications are identified on the map with varying degrees of accuracy. As it was possible to establish, in Russian historiography, attention is focused on the history of the borderland, considered as a process of building power structures on both sides of the border, the peculiarities of the relationship between the local administration and the population. Raising the issue of outposts and fortresses, scientists restored their "chain" along the entire length of the border, but its southern part, stretching along the Novgorod counties - in Ingermanland and Ladoga region, has been most thoroughly studied. Until now, little is known about the fortifications located further north - in Karelia.

Bibliography

Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 volumes and 4 additional). - St. Petersburg., 1890-1907. P. 895-899. (In Russ.)

Chepel, A. I. "Solid fortresses separate us from them ...": the security problem of the Swedish-Russian border in the first decades after the Stolbovo Peace. Pskov Military Historical Bulletin. Pskov, 2015. P. 71–77. (In Russ.)

Chepel, A. I. The Swedish "powers" and Russian governors on guard of borders: from Stolbovsky to the Cardis world. (According to the documents of the Russian archives). Bulletin of the Pskov State Pedagogical University. Pskov, 2010. P. 108–113. (In Russ.)

Chernyakova I. A., Lyalya E. V., Chernyakov O. V., Shreders A. M. Experience of using GIS technologies to create an electronic thematic map "North-West Russian borderlands in the 18th century" based on old cartographic works // Journal of reports and publications of ILLMIK. 2006.

No. 1–2. [Electronic resource]

http://illmik.petsu.ru/news/New_Results/D43E4DC5-894E-402D-85AC-8D782656E280.html

Gadzyatsky, S. S. The struggle of the Russian people of the Izhora land in the 17th

century against foreign dominion. Historical Notes. Moscow, 1945. Т. 16. P. 14 – 57. (In Russ.)

Kaljundi, E. A., Kirpichnikov, A. N. Fortresses of Ingermanlandia and Karelia in 1681.

Scandinavian collection. Tallinn, 1975. P. 68–79. (In Russ.)

Milchik, M. I. Swedish fortresses around Petersburg. Swedes on the banks of the Neva: Collection of articles. Stockholm, 1998. P. 26-33. (In Russ.)

Nevolin, K. A. About the pyatins and graveyards of Novgorod in the 16th century (with a map attached). St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1853. 414 p. (In Russ.)

Ostrog // Dictionary of the Russian language: In 4 volumes. Polygraphresursy Moscow, 1999. V. 2. К – О. P. 657. (In Russ.)

Rudakov V. E. Ostrog, in ancient Russia. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 volumes and 4 additional). St. Petersburg., 1890-1907. P. 362. (In Russ.)

Selin, A. A. Russian-Swedish border (1617–1700): formation, functioning, heritage: historical essays St. Petersburg, 2016. 859 p. (In Russ.)

Suni L. V. Great Russian Encyclopedia: [in 35 volumes]. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 2004. (In Russ.)

Zherbin, A. S. Resettlement of Karelians to Russia in the 17th. Petrozavodsk: Gosizdat, 1956. P. 79. (In Russ.)

Zhukov A. Yu. Management and self-government in Karelia in the 17th century. Novgorod: Novgorod state university them Yaroslav the Wise, 2003. 255 p. (In Russ.)

Zhukov, A. Yu. The Russian-Swedish border of 1621 in Karelia and its significance in the life of the Karelian people. Almanacs of Northern European and Baltic studies. Petrozavodsk, 2017. P. 207–227. (In Russ.)